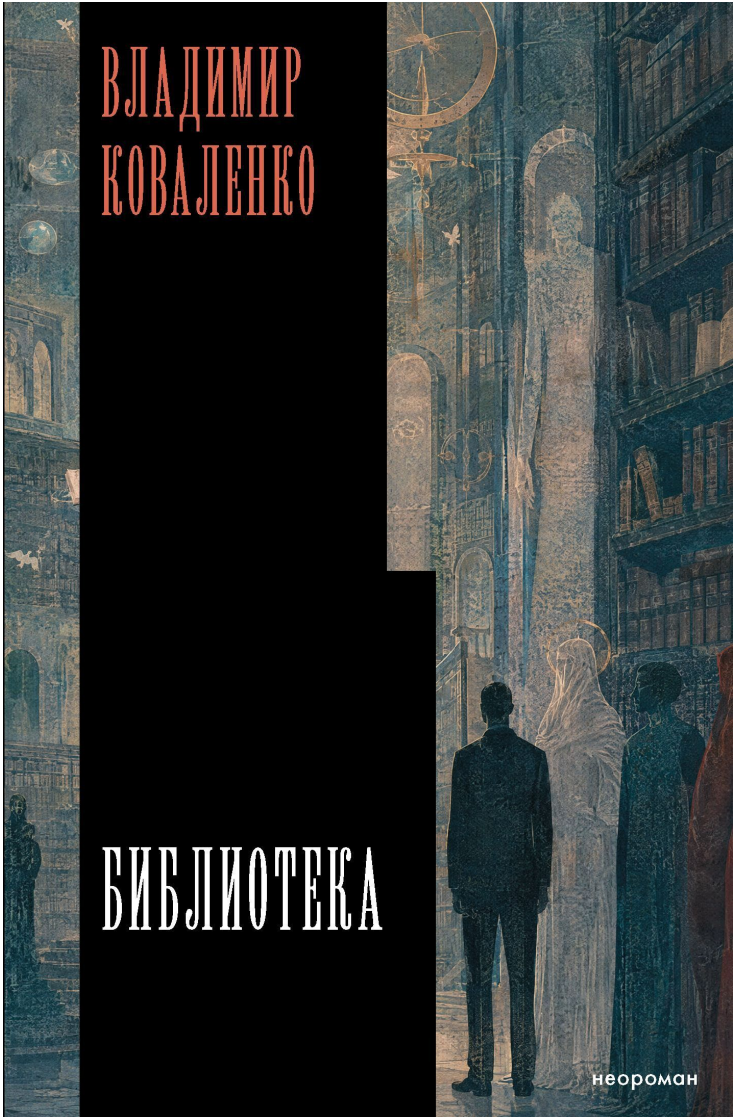

ВЛАДИМИР
КОВАЛЕНКО
БИБЛИОТЕКА
неороман

Владимир Дмитриевич Коваленко

Библиотека

Серия «Неороман (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74723706
Библиотека:
ISBN 978-5-17-192722-6

Аннотация

Главный герой романа оказывается внутри лиминального пространства – колоссальной Библиотеки с бесконечным набором историй. Одинаковые залы повторяются, повторяются и повторяются. Сначала пространство кажется пустым, но постепенно навстречу герою выходят самые разные существа: ожившие статуи, монстры, паранормальные явление, но самое страшное – просто люди, читатели…

Владимир Коваленко в небольшом романе создаёт целый мир, посвящённый книгам и чтению. Он подробно описывает, как устроена человеческая жизнь, с чем приходится сталкиваться на пути, насколько одинок человек и есть ли высшая сила.

Вместо тысячи священных писаний и философских трактатов – читайте этот роман.

Содержание

Глава I. «Статуя с короной на голове приветствует тебя» 5
Глава II. «Путеводитель по Библиотеке» неизвестного автора 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Владимир Коваленко
Библиотека

© Владимир Коваленко, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава I. «Статуя с короной на голове приветствует тебя»

Поначалу самым страшным было привыкнуть к мысли, что я здесь совсем один. Воображение спотыкалось об образ бесконечного пространства, заставленного книгами, где коридоры расходятся так далеко, что невозможно представить или записать, зарисовать, потому что ни один лист бумаги во Вселенной не способен хранить столько информации.

«Статуя с короной на голове приветствует тебя».

Именно эта надпись высечена на кубовидном пьедестале каждого изваяния. Пьедестале с острыми гранями, возвышающимся до половины человеческого роста. Каменные фигуры огромны. Они словно устремляются к высоким потолкам коридоров, чуть ли не подпирают их. Все статуи изображают один мотив – женщину со склонённой головой, почти всю фигуру которой скрывает мантия. Лицо у неё грустное, она как будто ожидает чего-то несбыточного. Наверное, такое чувство бывает, когда в конце ноября вдруг осознаёшь, что смысл есть только в весне.

Одинаковые скульптуры расположены по пространству всей Библиотеки – равноудалённо, на перекрёстках бесконечных коридоров. Их головы венчают лёгкие изящные короны, скорее даже небольшие диадемы с аккуратными, плав-

но закруглёнными зубчиками. На изваяниях нет выщербин, мха или других следов времени. У идущего по коридорам, то есть у меня, создаётся впечатление, что подобная расстановка – игра какого-то неведомого титана, гиганта или другого создания, для которого многотонные глыбы – игрушки.

Но не только статуи страшат. Вся Библиотека кажется неземной и запредельной. Всё пространство будто застыло во времени. Кажется, что всё стоит на месте, и только я один перемещаюсь по бесконечной сети лабиринта, нарушая непоколебимое величественное спокойствие. Даже ветра или сквозняка здесь нет, только безмятежное спокойствие. Сам по себе этот лабиринт незатейлив и представляет лишь однотипный квадратичный узор, повторяющийся бессчётное количество раз, пожалуй, бесконечно. Но любой человек в здравом уме тут же заявит, что никаких беспредельных вещей, и уж тем более зданий, не существует.

Но оказавшись здесь, можно усомниться в невозможности бесконечных пространств. Как минимум можно чуть-чуть спятить. Одинаковые коридоры имеют одинаковый вид, единое исполнение, освещение и материал, из которого они сделаны. Коридоры соединяют между собой колоссальные залы с пёстрыми витражными окнами во всю стену в готическом металлическом переплёте.

Но самое удивительное, что коридоры, статуи и залы повторяются раз за разом: они одинаковы настолько, что в первое время сознание теряется, и ты начинаешь бояться. Хо-

чется озираться по сторонам, искать угрозу, прислушиваться, не скрежещут ли острые когти по потолку и не раздаётся ли сбивчивый топот в отдалении?

Наполнение, то есть сами книги – разные.

Невообразимо, но каждая зала наполнена бумажными книгами, которые занимают гигантские полки до самого потолка. Полки располагаются в три больших яруса, к верхним ведут лихо закрученные лестницы, либо простые приставные хлипкие лакированные лесенки. Сначала это успокаивает, пока не задаёшься вопросами. Расположение книг хаотично – их невозможно классифицировать никоим образом. Сборник старой фантастики стоит рядом с учебником по биологии, а следом может располагаться древний мистический текст, после которого будет томик Кортасара или Пруста. Потом поваренная книга лучших баварских рецептов, архив бухгалтерии лесопилки в Сиаме за 1936 год и следом – бульварный роман про любовь.

Систематизации нет в авторах, цветах обложек и названиях – в большинстве залов книги расставлены в произвольном порядке. Но расставлены аккуратно, ровно настолько, что корешки не выпирают или не вдаются вглубь в стройном ряде. Под книги можно подложить линейку и ни один корешок не будет выбиваться из безупречной линии. В такой расстановке видна упорная работа, проведённая неким неведомым деятелем. Может, библиотекарем. Или множеством библиотекарей.

В некоторых залах книги словно специально перекладывали, рылись в них и искали что-то. Признаться честно, здесь становилось страшно. Много думать – иногда очень вредно, а надумывать – ещё вреднее. Но кто это мог так усердно заниматься книгами до меня? Не те ли самые библиотекари, которые столь усердно расставляли их? И если рылись они, то что искали? Чем обусловлен выбор одних залов и игнорирование других?

Но самое странное, что некоторая часть книг – пуста. В каких-то залах таких книг совсем немного, а в других почти половина. Эти тома состоят из белых, гладких листов, на которых совсем ничего нет, даже следов букв. Больше походят на блокноты даже без названия и автора. Только сотни белых, ровных страниц между двумя пустыми обложками. Смысл их нахождения в Библиотеке я не мог понять, полагая, что это какая-то ошибка. Или ещё хуже – чья-то шутка.

Витражи могли бы послужить ключом к пониманию загадки лабиринта, если бы представляли из себя хоть немного считываемый образ, поддающийся объяснению. Но, к моему сожалению, каждый витраж – это всего лишь беспорядочная мозаика из оранжевых, красных и синих кусков мутного, толстого стекла. Никакой организации, задумки, закономерностей в рисунках нет, или у меня не получилось их обнаружить. В какой-то комнате преобладает синее стекло, в какой-то оранжевое или красное.

Свет извне преломляется в каждой зале по-особенному

и придаёт помещению индивидуальность, создавая внутри неповторимое освещение и настроение. Сквозь разноцветное стекло ничего не видно. Точнее видны лишь бесформенные рыхлые очертания, но из-за кривизны материала не разобрать образа то ли города, то ли стены, то ли старых, обсыпавшихся гор снаружи.

Солнце, а может это не солнце вовсе, а, любой осветительный прибор наверху, достаточно яркий, чтобы озарить каждый зал Библиотеки, никогда не заходит. Или его никогда не выключают.

Каким образом каждая зала расположена так, что обращена к светилу – невозможно представить. И судя по конструкции Библиотеки, залы должны вплотную прилегать друг к другу, но… это пугает не хуже статуй, в каждой комнате есть свет. Скорее всего, в таком случае за каждым витражом расположена огромная лампа. Но кто тогда и как, а главное, какой энергией освещает такие невообразимые пространства?

* * *

Я передвигался по коридорам уже достаточно давно, чтобы составить некоторое подобие карты в голове. Сколько точно прошло времени, сказать невозможно, потому что отсутствовала смена дня и ночи. Солнце не заходило, а проще говоря, свет не выключался. Да и в существовании солнца не было уверенности. Часов электронных или механиче-

ских, со стрелками или песочных нет ни у меня, ни в помещениях. Лишь через какое-то время странствий я начал замечать, что бесконечная система залов и коридоров выстраивается в причудливую сеть, построенную по принципу радиально-круговой формы, в которой квадратичный узор перекрёстков коридоров – это лишь скромная часть, как сота в огромной системе улья.

Но в этом улье пчелой был только я.

Одни коридоры идут от центра под углом, другие пересекают их почти перпендикулярно, но тоже под углом. Объём строения поистине огромен. Книги в системе не повторяются, я ни разу не видел двух одинаковых, но в каждом зале книг ровно одно количество – 20 650. У меня было достаточно времени, чтобы не только прочитать часть книг, но и пересчитать в разных залах в разных точках лабиринта, пока пытался понять, что к чему.

Выбор направления был обусловлен банальной пространственной логикой – количество залов говорило о существующей возможности этого строения расширяться если не до бесконечности, то хотя бы увеличиваться на очень большие расстояния. А радиально-круговая форма предполагала наличие центра, в котором традиционно располагается что-то важное; например, в городе с такой структурой в центре может быть кафедральный собор, ратуша или кремль. В центре Библиотеки обычно располагается её ядро – то, что позволяет жить всему книгохранилищу, – библиотекарь. А значит,

кто-то мог знать о системе этого пространства, поэтому я и шёл за ответами.

И вот ещё одна странность – чем ближе я приближался к центру, тем меньше становилось пустых книг.

Ночевал в залах. На всякий случай закрывал дверь и ложился где-нибудь на втором или третьем ярусе, подложив под голову пару книг. Спустя несколько ночёвок пришло понимание, что можно измерять время количеством ночёвок. То есть снов.

Но забавно, что сны в Библиотеке ни разу не снились.

Только сплошная темнота.

Но как я оказался здесь?

Этот вопрос мучил постоянно, словно навязчиво жужжа над ухом.

Из всего, что было до, я помнил только родительский дом и то обрывками, какими-то вкраплениями. Во всём бескрайнем космосе человеческой памяти, в этом бездонном колодце чувств, воспоминаний и эмоций запомнил не своё имя, не фамилию, не место работы, голоса детей или лицо супруги. Если супруга у меня, конечно, была. Запомнил родительский дом.

Любая попытка вспомнить что-то ещё приводила к ступору и словно вызывала туман в голове. Среди тумана, как огни на болотах, вспыхивали кусочки эмоций, крошки предыдущей жизни. Например, на слово «туман» пронеслась строчка из стихотворения: *«Туман своею жёлтой шерстью трётся*

о стекло, дым своею жёлтой мордой тычется в стекло».

А дальше обрыв. И темнота. Как бы ни старался, не получалось вспомнить, как этот текст попал в голову, кто его написал и почему именно его я вспоминал. При этом я знал о правилах мира, из которого пришёл, – мог назвать страны, континенты, правила дорожного движения и литературные произведения.

Получается, что до появления в Библиотеке я где-то существовал и что-то делал. Только не мог вспомнить.

Всё, что осталось явно, – это родительский дом в разных оторванных частях фрагментов. Место радости и печали, которое таит в себе самые сокровенные волшебства из всех возможных. Дом всегда связан с детством, самым тёплым и нежным, что есть у каждого человека. Кто не бродил по родительскому дому со свечой в короткие моменты, когда выключали электричество, и не представлял, что он в старом замке? Или кто из ныне живущих не строил шалаш из простыней или покрывал? А потом не сидел с фонариком в этом укрытии и не читал книгу за книгой?

Именно там, в детской кровати, на рубеже, когда таинственная и неосознанная темнота первых лет жизни отступает, ты по-настоящему осознаёшь мир вокруг. Особо сильно в то время запоминаются чудеса новогодней ёлки, переливы огней гирлянд обещают настоящее новогоднее чудо. И в то время чудо ещё не кажется чем-то далёким, как горная дымка, исчезающая на горизонте. В детстве чудо реально.

«Туман своею жёлтой шерстью трётся о стекло, дым своею жёлтой мордой тычется в стекло».

Дом родителей являлся обычным двухэтажным, расположенным недалеко от города, но достаточно, чтобы летней ночью можно было услышать пение цикад. Небольшой навес перед крыльцом, милые ворота с узором, заборчик, грядки с чесноком, картошкой, клубникой, петрушкой и бог знает чем ещё, раскидистые плодовые деревья, дровник, гараж. Всё очень просто, как и положено для уюта.

По извилистой дороге – удобно пройти к большому полю, на котором выпасали коров и носились игривые соседские собаки. За полем пролегала быстрая и шумная речка, холодная даже в самый жаркий летний день. За ней расположилась вязовая роща, от которой тропинка вела к покинутому кирпичному заводу, чья подобвалившаяся башня нависала над всей округой.

Издалека казалось, что это и не заводское строение вовсе, а пристанище колдуна. Двигаясь дальше, можно подойти к залитым водой глиняным карьерам, в чьих водах резвились ротаны и караси, густому лесу, переходящему в поляны и холмы, покрытые пышными кустарниками.

В этом лесу весело бегать среди деревьев, представлять, что ты в сказке. Совсем в детстве хотелось уходить рано утром и слоняться по тёмным зарослям в поисках ягод и огромных, ветвистых старых деревьев, в чьих спускающихся к земле ветках так приятно сидеть, не думая ни о чём,

наблюдая, как плавно покачиваются листья на ветру, словно целое море.

Воздушной простотой и уютом был важен этот дом и вся округа для его обитателей и тех, кто возвращался сюда после долгого перерыва.

К моменту, как начиналась война, я не был в родительском доме уже добрых пять лет.

Когда началась война, я отправился к родным, чтобы вместе решить, что делать. Южный промышленный город, окружённый степями, на окраине одной страны не захотел жить по новым правилам, диктуемым новым правительством. Танки одного цвета подвели к границе, а с другой стороны подъехали танки другого цвета. Уже не ясно, кто точно начал стрелять, в очередной раз забыв, что война – это страшная трагедия. И самое страшное в ней, что обычные мирные люди оказываются между молотом и наковальней.

Дома уже ждали отец, мать, брат, его жена, их сын.

И сейчас, оказавшись в Библиотеке, я не могу сказать, что произошло. Сначала оно было где-то совсем далеко, но уже скоро загрохотало рядом. Завизжало и словно заскрежетало.

Это всё, что я запомнил.

Ах да, совсем забыл сказать, что у каждой залы с книгами был свой номер, он красовался над входом, будучи выполнен в виде небольшой бронзовой таблички с цифрами и буквами, составляющими какую-то странную комбинацию. На-

пример, предыдущая зала, где я побывал, значилась под номером «РА5498НОПКУ367». Следующая имела номер, отличающийся на последнюю цифру «РА5498НОПКУ366».

Но сквозная ли это была нумерация? Если да, то многие мои догадки о масштабах пространства подтверждались. Подтверждалось и то, что я шёл в центр, так как цифры постепенно уменьшались. Нетрудно догадаться, при малейшем подсчёте, что минимальное количество комнат, оставшееся до центра Библиотеки, – это 37 240 802 403 840. Невообразимое число.

Однако никто не даёт гарантий, что создатель этого места (если таковой, конечно, есть) не добавил ещё чего-то. Было не ясно, правильно ли я понял задуманный автором шифр, поэтому может случиться, что в один момент, открыв последнюю комнату, обнаружу совсем другой набор цифр.

Так я и брёл, один, руководствуясь только надеждой, под наблюдением грустных статуй, каждая из которых задумчиво смотрела вслед. Через какое-то время уже привык к изваяниям. И даже надпись «Статуя с короной на голове приветствует тебя», которая поначалу пугала, стала казаться чем-то слегка комическим и даже обыденным.

* * *

Гулять по единообразным коридорам рука об руку с собственным одиночеством сможет не каждый. Такие масштабы

пугали. Чувство невообразимой беспомощности и крошечности давили и вгоняли в уныние. Какая-то часть моего сознания говорила, что бесконечность не может быть пустой. Ведь, по теории вероятности, здесь должен быть ещё кто-то.

Из-за этой мысли иногда было невозможно уснуть. Воображение – страшный игрок: оно опутывает голову, проникает в самые удалённые уголки и не оставляет тебе возможности не думать о страшном. И вот уже отчётливо слышались шаги или речь, отдающаяся беглым эхом в стенах коридоров. Глухой топот нарастал, странные голоса шептались на грубом наречии меж стен. Порой сквозь дрёму виделось, что в соседних залах с полки падают книги. В такие моменты, когда из-за страха было не сомкнуть глаз, рука наугад тянулась к какому-нибудь изданию и я начинал размеренно читать.

Иногда мне попадались любовные стихи, романы про рыцарей, приключенческие произведения или научные монографии.

В любом случае чтение помогало уснуть, потому что после такого отрывка:

«Наверное, в каждое время, во все великие и трагические события – во время штурма Карфагена, после падения Рима, и уж тем более, когда гремят самые страшные войны, человеку только и остаётся спасаться в объятиях родных и близких – самом надёжном убежище и пристанище. К сожалению, испытания, которые каждая эпоха насылает на своих современников, могут уничтожать эти островки спокойствия и любви,

отбирать родных и разлучать любимых.

Поговаривают, что человеческая жизнь куда-то приводит.

Об этом написаны сотни книг, сняты фильмы, а все мировые и не мировые религии в унисон твердят о предназначении жизни, но люди отказываются в это верить.

Странное начало, не правда ли?

А как можно было начать. С красивого рассказа про разлученных влюблённых, про древнюю цивилизацию или про приключения бравого искателя сокровищ, отряхивающего широкополую шляпу от пыли забытых и оставленных гробниц. Первый шаг мог быть сделан, как любят в популярных фильмах, с бодрой музыки и красивого кадра.

Начало всегда разное, всё в мире рождается по-своему, каждому видится уникальный путь. Но, несмотря на все снятые фильмы, несмотря на сотни философов, пытающихся найти ответ, никто точно не скажет наверняка, что происходит в конце и какой в этом смысл.

Есть разные домыслы и предположения. Если вы отправитесь в далекую Азию, где солнце встречается с морем раньше, чем в остальном мире, то сухие, тощие бродячие отшельники с цветными чётками из стекла будут на непонятном языке твердить о перерождении. Но важно помнить, что речь тут идёт не о перерождении конкретной души, а о водовороте энергий. Иначе можно поддаваться соблазну, а потом оказаться в ловушке, ведь вечной жизни они не обещают.

Вечная жизнь появится на горизонте, если вы отправитесь

в северные, исконно русские белокаменные монастыри, основанные почти у самых врат полярной ночи. Там узнаете о воздаянии и о том, что Христос всех спас своим рождением и смертью, победив смерть. Если обратитесь к простым прохожим на улице, узнаете, что многие мечтают оказаться в прекрасном саду или где-то ещё. В высокогорных буддистских обителях бритые монахи стремятся достичь Ничто и остановить любые циклы перерождения, о которых учат отшельники, с которых мы начали абзац…»

Спать хотелось ещё сильнее.

Глава II. «Путеводитель по Библиотеке» неизвестного автора

Мертвец.

На секунду это слово заполонило всё сознание, всю залу, понеслось по коридорам мимо статуй и бесконечно расширялось вместе с пространством. Когда концентрируешься на одном слове – это работает сильнее, чем если бы тебе описали в красках сотни его атрибутов. Твоё сознание и разбушевавшееся воображение начинают рисовать самые яркие картины.

Так устроена наша голова – ничего не поделаешь. И я мучился, пытаясь взять себя в руки и перестать трястись от каждого, почудившегося звука или движения в уголке глаз.

Я нашёл эту рукопись в зале «РА5498НОПКТ14». Абсолютно случайно, во время поиска книг на других языках.

В то время мной окончательно завладела мысль, что всё прочитанное в Библиотеке было на родном языке.

Старые трактаты, снабжённые цветистыми миниатюрами средневековые пыльные тома и книги со странными обложками – всё я мог прочитать без затруднений. Речь даже не о затруднениях! Все книги были написаны или отпечатаны на абсолютно понятном языке, без использования неясных жаргонизмов, странных слов из диалекта или специфиче-

ских вариаций языка. А ведь я даже не мог вспомнить, на каком языке говорю и думаю! Возможно, это сербский, но может быть и санскрит. Почему я вообще решил, что могу определить язык? Может, до попадания в Библиотеку я был специалистом по лингвистике, поэтому умею читать на всех языках в мире?

Чтобы развеять эти несерьёзные предположения, я перебирал в одной из зал очередные случайные 20 650 книг в надежде найти хоть что-то на другом языке или в другом алфавите.

Но нашёл эту рукопись. Сначала мне показалось, что я наткнулся всего лишь на самодельный экземпляр. Такие встречались редко, но встречались. И все они были достаточно древними. Рукописными обычно были глиняные таблички, восковые дощечки, папирусные свитки, берестяные грамоты, пергаментные манускрипты, пышные средневековые издания с цветистыми миниатюрами.

Поэтому роясь в зале с книгами, отчётливо видел, как мимо проскакивали эпохи, времена и сюжеты, новые эссе о философии и старые записки монахов, книги по фауне островов южных морей, трактаты по теоретической физике, книга учёта еды шумерского города и грамоты русских князей. И всё это было понятно, я мог прочитать биографию фараона, узнать о проблемах купца из Новгорода и погрузиться в тайны религиозной мистической группы начала первого века.

Но найденная книга… первая написанная чернилами на

пустых жёлтых листах. «Болванка», то есть страницы и обложка, которые использовал неизвестный автор, были настолько старыми, что в некоторых местах бумага словно трескалась от времени. Размеры томика маленькие, текст выведен сбивчивым размашистым, но ровным почерком, отдалённо напоминающим эльфийские письмена из старого фильма.

Надо честно сказать, что текст, оставленный на страницах, поверг меня в шок. Настолько, что после нахождения путеводителя я не мог спокойно уснуть, явно ощущая, что в Библиотеке, кроме меня, кто-то есть.

Теперь я был уверен, что взаправду слышу в коридорах шаги, а когти, скользящие по потолку, реальны. Периодически казалось, что из темноты полудрёмы тянутся чьи-то руки, а далеко в коридорах распространяется бесконечная тьма.

Вот что было написано в самом начале на чистых, ветхих страницах:

«Ничего не стоит отрицать, когда идёшь по улице с повинной во грехах. Каждый прищур фонаря, каждая капля дождя, кажется, обвиняет тебя. Капли обжигают. Когда бредёшь уставшим через спящий город-комплекс, не стоит ничего отрицать. Величавые забытые небоскрёбы и старые, каменные дома, недостаточно старые, бетонные, все они будут смотреть. Смотреть редкими окнами не в глаза даже, а в глазницы, пытаясь всмотреться глубже, в самую твою суть.

Вспомни, как это было.

Ты стоишь под окном, лёгкий снег покрывает замерзшие кусты, небо иссиня-чёрное, словно свежий асфальт. Может показаться, что оно пышет жаром свежего асфальта, дышит, словно живое существо. Свет из окна такой лёгкий, как будто в этом окне вход на ту сторону. С улицы можно разглядеть только дешёвую люстру, потолок и кусочек обоев. Обычно, максимально обычно. Но вместе с этим и так близко, что там и есть рай. В каждой квартире и нигде одновременно.

Там, в доме, спит моя милая жена, которую я обрёк на страдания. Мои дети, которых я также оставил. Дети, которых завести нам стоило больших усилий, потому что правительство комплекса не позволяет заводить детей всем. Еда ограничена. Мне стоило немалых сил, чтобы продвинуться по службе. И получить право на детей.

И так всё упустить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.